Пронзительные, прекрасного лазурного цвета, глаза Лукаса смотрели на меня преданным взглядом, как псы обычно смотрят на своих хозяев, но я не мог разобрать что за ними скрывается. Он спрашивает потому что правда переживает? Или пытается определить настоящий ли я?

– А, что ж… – С меня стекал холодный пот. Я не знаю ничего о делах семейных настоящего Эша, да и неоткуда мне, хотя догадываюсь, что в императорской семье все было не так–то и просто.

Я молчал, не способный парировать внезапный вопрос.

Лукас смотрел на меня какое–то время.

– Простите мастер. – А затем внезапно поклонился. – Я поднял неприятную для вас тему.

Я спешно взмахнул руками.

– О, нет, не переживай, я просто задумался на секунду, ты так внезапно спросил, ха–ха.

– Я надеюсь все разрешиться и у мисс Евангелины, и у вас мастер. – Лукас ярко улыбнулся. Это была привычная улыбка золотого ретривера.

Я…надумываю? Может быть Лукас просто переживает?

– А, да, спасибо. Спокойной ночи, до завтра! – Спешно попрощавшись. Я взмахнул рукой и скрылся в спальне.

Эй, Эш, придурок, какого лешего ты с семьей своей не ладишь?

Нет, ну реально, он же имперский принц, сын самого императора. Я понимаю, что без грязи во власти не выжить, но я–то черт возьми откуда должен обо всем этом узнавать?!

Какое прошлое ты скрываешь?

Придется покопаться в этом всем. Позже. Эх.

Внезапно меня накрыло осознание, что когда–то это тело принадлежало кому–то еще. Твою ж, жить чужой жизнью та еще задачка…

***

На следующий день после нашего возвращения, я занялся работой, готовясь к следующей оборонной битве.

[Информация о врагах Уровня Три]

[Ур. ? ???: 5]

[Ур. 20 Паровой голем: 152]

[Ур. 15 Каменный голем: 103]

Что ж, поскольку мы уже знаем, что сражаемся с големами, надо бы заменить систему защиты.

Огромные монстры, несколько из которых элита.

Придется подстраивать тактику.

До следующей схватки осталась где–то неделя.

Достаточно времени, чтобы хорошенько подготовиться. Да даже больше – я могу подготовиться идеально, рассчитав и предусмотрев все неожиданности! Ах, не зарекаться, не зарекаться, но… Любую неожиданность можно пережить, если добавить чуточку больше огневой мощи!

Мвуахахахаха!

Раздавая приказы и обойдя все оборонные укрепления в городе, я тщательно готовился к следующей битве.

***

И снова, день спустя, рано утром. Западная равнина Кроссроуда. Кладбище.

Я молча стоял, глядя на кипящую там подготовку к похоронам.

В предыдущем бою было много раненных, но лишь одна смерть.

Граф…

Я не раскрывал рта, глядя на единственное имя в списке погибших. Чарльз Кросс.

– Ваше высочество, катафалк выехал. – Лукас прошептал мне на ухо.

– Мм. – Гроб, вывезенный из храма, проедет по главной улице города и покинет его через западные ворота. Длинная процессия людей шла за гробом.

Похороны бывшего лорда, который десятилетиями защищал эти земли. Даже в городе, где смерть такая же частая гостья как простуда, привычные к ней люди ощущали тяжесть утраты.

Катафалк замер перед кладбищем. Здесь мы всего лишь проведем официальную часть, а само захоронение будет в саду, который граф так любил, рядом с его женой.

Окружившие гроб священники вознесли к небу молитвы, а хор позади затянул песнь прощания.

Официальная часть прошла. Пришла пора прощаться.

Я поднялся на подиум. Сейчас уже не так сложно привлечь внимание стольких людей.

Я сделал вдох. Разобравшись в каше мыслей в голове, я повысил голос.

– Я уже говорил, что ваши смерти дорого стоят. И это не просто слова, на них и правда уходит куча денег. – Компенсации и расходы на погребение. Я не блефую, смерть в этом городе – роскошь для богатеев. – Однако смерть графа — это не просто числа в счете… Это боль, жгучая выжигающая сердце боль.

Я прижал к груди сжатую в кулак руку. Люди молчали. Я вздохнул и медленно продолжил.

– Граф говорил, что людям нужна надежда. Что город не может жить в бесконечной панихиде. – Мои губы тронула бледная улыбка. – Что этот город - передовая монстров. И что смерть здесь нечто само собой разумеющееся. Но он хотел чтобы в наших сердцах оставалось место надежде и радости.

Я потряс головой.

– Однако сегодня я нарушу последнюю волю графа. Сегодня, мы будем скорбеть. Мы будем чтить его память. – Люди слушали меня, тяжело сглатывая. Я еще больше повысил голос, почти срываясь на крик. – Эта передовая все еще держится, ценой множества жизней. Не только смерть графа, да чья угодно отдается в моем сердце болью.

Я снова прижал к груди руку.

– Поэтому я надеюсь, вы всегда будете помнить, чего стоят жертвы. Как они болезненны. Что

империя и все человечество держатся на ваших жертвах и вере. Я надеюсь, вы всегда будете помнить об этом. – Я окинул собравшихся передо мной людей взглядом. – Я не устану повторять это снова и снова. Мы не можем обойтись без потерь.

Я тяжело кивнул.

– Но каждая смерть оправдана. – Перед молчащей аудиторией я склонил голову. – Почтим же минутой молчания усопших спасителей мира.

Я первым поклонился, и один за другим люди в толпе последовали моему примеру.

Сейчас перед кладбищем собрались тысячи людей, но тишину в воздухе не нарушил ни единый звук.

– Надеюсь, когда-нибудь в этом городе будут греметь фестивали, а не раздаваться плач с похорон. – Я медленно поднял голову и прошептал. – Как того и желал граф.

Я спустился с подиума, а Лукас подал знак артиллеристам.

Выстрелы взорвали воздух в честь падшего. С этим и закончилась церемония. Ветераны, бывшие под прямым началом графа подняли гроб. Я вскочил на свою лошадь. Процессия направилась к месту захоронения.

***

После тридцати минут езды на юго–восток, на горизонте наконец–то показался сад графа.

– Хм? – Уже подъезжая я заметил, что там кто–то был. Маленькая девочка с платиновыми волосами стояла на заднем дворе. Ее плечи были опущены, а руки тесно стиснуты в карманах кофты. Я медленно сбавил шаг. Один за другим ветераны тоже ее заметили.

– Хм? Это…

– Леди Евангелина?

– Это она.

– Она вернулась.

Процессия вошла в сад. Евангелина стояла около небольшого надгробия, видимо это могила ее матери.

– А. – Ее губы почти не двигались. – Вы здесь.

Ветераны тут же обступили девчушку плотным кольцом.

– Три года прошло, леди Евангелина!

– Вы проделали такой путь из столицы.

– Нам жаль, что такое произошло с графом. Мы должны были лучше его защищать.

Вместо ответа Евангелина молча склонила голову. Ветераны спешно смолкли.

– Могу я, – она бросила взгляд на гроб. – Посмотреть на него?

Ответственные за похороны священники озадаченно ожидали моего ответа. Я кивнул.

– Конечно. У тебя есть полное право.

Евангелина медленно подошла к гробу, и священники открыли верхнюю часть крышки.

Она ничего не говорила, глядя на лицо своего отца. Оно было белым из–за защитной магии. Если уж и было в этом всем что–то удачное, так это то, что в отличии от разодранного тела его лицо практически не пострадало.

– Так это… Правда. – Прошептала Евангелина. – Он всегда сражался на передовой так, будто смерть никогда его не тронет, а по итогу…

Она закусила губу и развернулась.

– Спасибо. Я закончила.

Крышка гроба снова захлопнулась.

Евангелина так и не обернулась, пока гроб не оказался зарытым в землю. Осталось только засыпать его. Один из ветеран осторожно обратился к Евангелине.

– Леди.

– Да?

– Я спрошу одну вещь. – Старый солдат протянул что–то. Копье и щит. Глаза Евангелины расширились.

– Это?…

– Это семейное оружие, передаваемое в семье Кросс из поколения в поколение. Я собирался похоронить его вместе с графом, но на всякий случай решил спросить. Оно старое, и повреждено, но его легко можно починить и использовать, если…

– Закопайте. – Евангелина тряхнула головой. – Пожалуйста похороните оружие вместе с отцом.

– Понял, леди.

Солдаты выкопали рядом с могилой еще одну яму, и опустили туда спрятанные в ящик копье со щитом. Пара орудий, не раз спасавшие поколения семьи Кросс оказались засыпаны кучей земли.

Печально. Наконец земля скрыла и гроб.

Священник произнес последнюю молитву и на этом похороны завершились.

– Ох, мои плечи… – Я потянулся, разминая тело.

Всего–то пара часов, а так выматывает… – Все, выпейте по бокальчику прохладного напитка.

Лукас раздал по стакану каждому, они славно постарались. Пока все пили, я стоял перед могилой, глядя на надгробие.

Даже после этого люди будут продолжать умирать.

Я вспомнил погибших в прошлом. Оглядываясь назад, это были бессмысленные смерти, как пыль на ладони. А сколько ещё умрет в будущем? Сколько?

Я вспомнил слова графа. Будет момент, когда мне придется пожертвовать самым ценным, что у меня есть ради города. Но чем? Что такого ценного я могу потерять?

Думая об этом, я произнёс строки одного стихотворения.

«Кто стены изо льда возвёл,

Тот выбрал худшее из зол.

И тот мучительных невзгод,

Заснеженной тропой идёт…»*

Это были строки из прочитанной мною на земле поэмы, одной из любимых. Они на удивление подходили графу, так что я сразу же подумал произнести их в качестве слов прощания. Но так и не смог найти для этого подходящего момента.

Потерявшись в собственных мыслях, я опустил глаза к надгробию. И тогда.

– Не думала, что вы у нас стихами увлекаетесь. – Откуда–то сбоку раздался голос маленькой девочки. Я обернулся и увидел стоявшую там Евангелину.

* Стихотворение «Home» автора Park Mok-wol

На земле

Девять пар обуви

И когда загорается свет

В коридоре, нет, в комнате,

Нет, в доме поэта,

Все девять пар разного размера

Мои – сорок шесть и восемь

Когда снимаю их рядом с малышкиными

Пройдя по дороге из льда и снега

Она там, милая, милая

Мой младший ребенок

Ботиночки с плоским носком

Пятнадцать и один сантиметр

Посмотри на мое

С улыбкой лицо

Это место

Где стены восстали средь снега и льда

То земля

Ох, несчастен путь жизни

Моя обувь – сорок шесть и восемь сантиметров

Мои щенки, что уснули

На полу в теплом месте,

Мои дети, питомцы

Пройдя путь унижений, голода, холода

Я здесь

Ваш отец здесь

Нет, обувь сорока шести и восьми сантиметров.

На земле

Неумелое существо

Отец

Посмотри на мое

С улыбкой лицо.

http://tl.rulate.ru/book/96841/2890362